

— У меня какое-то нехорошее предчувствие.

Мать Лу потянулась, разминая затекшее тело, и толкнула локтем старика, лежавшего рядом:

— Ты ничего не заметил?

— Что еще за нехорошее предчувствие? — старик Лу отмахнулся от нее, не открывая глаз. — Ты вечно сама себе придумываешь страхи. Урожай собран, в доме все спокойно. Дожди идут, работы мало, вот и научи жену пятого сына, как нужно прислуживать мужу, пока остальные невестки дома.

— Я как раз о жене пятого и говорю. Она приготовила лапшу — и вполне сносно. В семье Юнь такая нищета, что они вечно витают в облаках. Откуда им знать вкус белой муки? Да и как она вообще научилась лапшу готовить?

Мать Лу была в недоумении. Честно говоря, она хотела немного прижать новую невестку, чтобы та знала свое место. И хотя унижить ее не удалось, мать была рада, что у сына теперь есть кому подать еду и чай, но все равно что-то ее тревожило.

Ранее семья Юнь хотела расторгнуть помолвку, заявляя, что их дочь рождена стать императрицей, а нынешнее состояние пятого сына им не подходит. Она тогда чуть не плюнула им в лицо. Императрицей? Если их пятый сын женится на ней, он что, станет императором? Совсем с ума сошли!

— Неужели ты не допускаешь, что она просто мастерица? В конце концов, она уже в доме. Научи ее вести хозяйство и ухаживать за пятым, а потом устроим пир и отделим их, — старик Лу не хотел ломать голову над пустяками.

Он мечтал лишь об одном — поскорее устроить жизнь пятого сына. Если тянуть дальше, братья возненавидят друг друга, ведь каждый из них только и ждет, когда можно будет прибрать к рукам деньги, полученные пятым за увечье.

— Женился и забыл про мать, эти неблагодарные волки совсем не думают о родных братьях...
— ворчала мать Лу, в глубине души еще больше злясь на остальных невесток.

Матери не хочется верить, что их дети не ладят. В их глазах дети всегда хорошие, а мелкие раздоры — лишь результат подстрекательства со стороны чужих людей.

Услышав привычное бормотание, старик Лу против воли начал клевать носом и вскоре заснул. Мать Лу, не дождавшись ответа, сердито пнула мужа, но тот даже не пошевелился, провалившись в крепкий сон.

Старший сын Лу со своей женой тоже шептались о новой невестке.

— Похоже, она тихая. Весь день просидела в комнате, даже носа не высунула, и слова не сказала, что обеда не было.

Выслушав рассказ мужа о том, как он забирал невесту, Чжао Хэхуа поделилась своими наблюдениями. Она вовсе не хотела обидеть новую невестку — в семье Лу те, кто оставался дома, обычно не обедали. Работа была несложная, полагалось только два приема пищи: утром и вечером. Обед готовили и относили тем, кто пахал в поле, ведь именно рабочим требовалось трехразовое питание. По сравнению с другими семьями в деревне, где работники ели дважды, а остальные — лишь раз, чтобы не умереть с голоду, у них было еще неплохо.

— Раз тихая — это хорошо. Пусть спокойно ухаживает за пятым, и жизнь наладится. Не то что ее родители, вечно мечтающие о вещах, за которые можно голову сложить.

Лу Дунхай не придавал особого значения словам жены. Раньше, когда в дом входили жены второго, третьего и четвертого братьев, его жена тоже отзывалась о них хорошо. Но со временем, когда они начинали делить общий котел, начинались пересуды: та хитрая, эта жадная, та ленивая, и только она сама — работающая лошадка, тянущая на себе весь дом.

— Как думаешь, много отец с матерью выделяют им при разделе? Пятый ведь должен остаться с нами, по обычаю нам причитается доля побольше. Я думаю...

Услышав, как жена делит имущество, Лу Дунхай усмехнулся и, понизив голос, оборвал ее:

— Не мечтай. Раздел будет только для пятого, а мы так и останемся одним котлом.

— Что? — Чжао Хэхуа чуть не вскрикнула и поспешно спросила: — Как это, только пятого? Это же...

— Вы все вечно ворчите, что пятый обуза и ест даром. Вот родители и решили женить его и отделить, чтобы он не объедал нас, а нам не пришлось о нем заботиться.

Старики не говорили ему этого прямо, но Лу Дунхай привык догадываться, и его догадки всегда оказывались верны. Чжао Хэхуа надолго замолчала, не зная, что и сказать, а потом пробормотала:

— Родители слишком уж заботятся о пятом. Второй и третий еще стерпят, а вот жена четвертого точно устроит скандал.

Старики Лу были еще крепки, и до их старости было далеко, поэтому удерживать всех вместе было в порядке вещей. В деревне случалось, что и немощные старики зубами держались за то, чтобы не делить семью, из-за чего братья в кровь дрались друг с другом.

— У родителей свои планы на этот счет, ты просто не подливай масла в огонь, — Лу Дунхай

похлопал жену по бедру, привычно придвигаясь ближе, и та ответила ему взаимностью.

Вскоре ночную тишину под шум дождя нарушили неясные вздохи.

Лу Мин, слушая шум дождя за окном и ровное дыхание спящей рядом жены, почувствовал, как напряжение немного отпустило. Он ждал, что она что-то скажет, нарушит тишину, и был готов ответить. Но новая жена оказалась на редкость рассудительной: сказала, что будет спать — и уснула.

Он остался один в своих мыслях.

Лу Мин ворочался, не в силах сомкнуть глаз. Он не видел, как на миловидном личике Юнь Чэ отразилось недоумение, словно во сне она столкнулась с чем-то невероятным.

— Это и есть медицинское чудо?

В полузабытьи Юнь Чэ видела, как ее саму объявляют мертвой в больничной палате, а потом она «оживает» в морге. Смутно она начала понимать, что произошло: похоже, она поменялась телами с той, что вышла замуж вместо сестры. Та теперь живет в ее мире, а она — в ее.

— Красавчик! Ты меня слышишь? Отдай мне половину своего состояния, и будем в расчете! — Юнь Чэ взмахнула руками, взывая к знакомому лицу, которое в недоумении смотрело на нее.

В тот же миг Юнь Чэ, очнувшийся в морге, словно услышал что-то и резко поднял голову, глядя, как призрачный силуэт, похожий на него самого, растворяется в белом тумане. Он невольно коснулся своего лица, привыкая к онемевшему телу, и, шаркая, подошел к прозрачному стеклу, чтобы увидеть свое отражение.

Это был он! Точь-в-точь!

— Что... что происходит?

Никто не мог ответить на его вопрос. Даже Юнь Чэ, обладатель того же имени и лица, не мог дать ответа. Стоило им встретиться взглядами, как Юнь Чэ, занявшая чужое место, перестала видеть себя, ожившую в морге.

— Ну и подстава! Он пошел прожигать мою жизнь и тратить мои деньги, а я тут — чья-то молодая жена и сиделка в придачу? Где это видано?

Юнь Чэ была в ярости. Она была сиротой с тяжелой судьбой, едва дождалась удачи, выиграв в лотерею, но не успела насладиться жизнью, как обнаружила смертельную болезнь и оказалась прикована к постели. А теперь, проснувшись, стала той, что вышла замуж вместо сестры. А та,

что должна была занять ее место, отправилась наслаждаться жизнью за нее...

— Разве это не несправедливо? Он что, любимый сын небес?

Выплеснув гнев, Юнь Чэ наконец успокоилась. В конце концов, жизнь сохранена, тело здорово... С этой мыслью она погрузилась во тьму, словно декорации вокруг сменились, и все вокруг утонуло в полумраке. Рядом с ней сияла каменная стела, покрытая письменами.

<http://bllate.org/book/20794/2089272>